

Из записи Г.Х.Шахназарова о переговорах Горбачева с Ельциным 2 ноября 1991

В пятницу Горбачев с утра просидел день с Явлинским, Ревенко и Яковлевым В.Ф. Обсуждали, что делать после выступления Ельцина на Съезде народных депутатов РСФСР с программой реформ и требованием особых полномочий на переходный период, о намерении объявить Госбанк СССР российским, сократить на 90% численность МИДа, распустить союзные министерства, перестать содержать их и т.д. Правда, после разговора с Силаевым, Ельцин отрекся от покушения на банк, которое озлобило и напугало республики, привело в смущение и Запад.

2 ноября Горбачев встречался с Ельциным, а затем позвал Шахназарова с Ревенко и рассказал, что и как было. Я, говорит, сказал ему: давай по-мужски. Ты меняешь политику, уходишь от всего, о чем мы условились. А раз так – теряет смысл и Госсовет, и Экономическое сообщество. Я подаю в отставку. Бери вожжи в руки, раз тебе этого хочется, правь в одиночку. Я в этой кутерьме участвовать не буду. Скажу всем так: вот, друзья, лидеры 15 республик, я вас подвел к независимости, теперь, похоже, вам Союз больше не нужен. Что ж, живите дальше как заблагорассудится, а меня увольте.

Ельцин стал горячо доказывать, что политику менять не собирается, верен обязательствам, слово у него твердое. Тогда я его спросил: значит ли это, что он согласует свои реформы с республиками? Обязательно, отвечал он, я их только решил прижать: дескать, не будете следовать за Россией в реформах – нам придется делать все без вас и уж тогда не посетуйте, будем блюсти прежде всего свой интерес. Так что в ближайшие дни все согласуем, им деваться некуда.

Ладно, пошли дальше. Ты понимаешь, говорю я ему, что значит, когда Козырев заявляет, что обойдется без союзного МИДа? Кто будет участвовать в Хельсинкском процессе, представлять в ООН, вести

разоруженческие дела? Ведь все это требует и опыта и знаний кадров, а главное – право выступать от всех республик.

Ельцин согласился, сказал, что насчет сокращения на 90% МИДовского персонала – это был образ, примерная цифра. Можно и не на 90, а, скажем, на 70. “Ой, Борис, – возразил я ему, – кто-то тебя все время подначивает, толкает на крайние заявления, а потом тебе же приходится отступить. Зачем это, будь аккуратнее в словесных заявлениях. МИД – это ведь русские люди, мощное, можно сказать, столетиями формировавшееся учреждение. Так зачем же его разорять? Уж лучше возьми целиком в Россию. Придет момент, так и будет. Но сейчас-то надо сохранить”. Ельцин и с этим согласился. Так он по всем пунктам ретировался, обещал действовать согласованно.

...Между тем я слушал и думал, что Ельцин лукавит, завтра опять что-нибудь эдакое вытворит. Да что завтра! Он божился, что будет вести дело разумно, а в папке бумаг к заседанию Госсовета 4 ноября лежит его обращение к Президенту СССР с требованием передать России все торгпредства. Без каких-либо обещаний компенсировать другим республикам их долю; даже не потрудились его молодая ватага напрячь мозги и выдать 2-3 приличных довода. Просто так: мы забираем и все! Вообще, все сильнее ощущается невысокий класс этих “ребятишек”, как их обозвал Хасбулатов. Однако сам вполне из того же разлива. Честное слово, и наша команда не безгреховна, но та такое натворит, что страна еще содрогнется и вздыбится.

Не стал я в этот раз расстраивать Горбачева. ...Я ушел с чувством, что все это прелюдия краха. Ельцин и особенно его команда – молодые волки, вроде Бурбулиса, Полторанина, Н.Федорова, не успокоятся, пока нас не добьют».

АГФ. Фонд № 10, опись № 2.